

Глава 33. Вкус тигрятины

— Сяо-гэ, я хочу побыть с мамой один, — сказал Гу Цин. Все уже разошлись, у могилы остались только они с Сяо У.

Охотник посмотрел на него. Лицо Гу Цина было спокойным, и только глубокая усталость в глазах выдавала его чувства. Сяо У кивнул и отошел, оставляя мужа наедине с матерью.

— Мама, я... я обещаю прожить жизнь за Гу Цина достойно. Простите за сегодняшнее беспокойство, я непутевый сын. Теперь я буду приходить к вам часто. — Гу Цин опустился на колени и провел рукой по надгробию. Он не знал, что еще сказать. Занимая чужое тело, он чувствовал вину, хоть это и не было его ошибкой — скорее всего, настоящий Гу Цин погиб бы и без его появления. Но на душе всё равно было беспокойно, и единственное, что он мог — это беречь эту жизнь.

Гу Цин трижды ударил челом о землю. Когда он поднялся, колени затекли и ныли. Немного подождав, он вышел с кладбища и увидел Сяо У, который ждал его на развилке, стоя спиной.

Солнечный свет мягко ложился на плечи охотника. В этот миг тревога и чувство вины в сердце Гу Цина вдруг утихли, сменившись ощущением надежности.

— Сяо-гэ! — окликнул его Гу Цин.

Сяо У обернулся. В его взгляде читалась не только глубокая привязанность, но и негласная поддержка, сочувствие. Гу Цин на мгновение замер, а затем смущенно отвел глаза.

Охотник шагнул навстречу и погладил его по голове:

— Теперь у тебя есть я. Я всегда буду рядом.

Гу Цин растерянно поднял голову. Эти слова отозвались жаром в груди, а в горле встал ком. Сяо У, не выдержав этого взгляда, притянул его к себе и крепко обнял. В этот момент слезы у Гу Цина потекли сами собой, градом осыпаясь на грудь охотника. Придя в себя, он почувствовал легкую неловкость за свою слабость.

Дома их встретили проголодавшиеся дети. Гу Цин отправил Сяо У в дровяной сарай за дровами, а сам принялся за обед.

Как раз подоспели соленые яйца — он достал несколько штук для варки, поставил томиться рис и достал отложенную тигратину.

Развел огонь в маленькой печи, бросил в котелок дикий имбирь и горный перец, обжарил мясо

и залил водой для тушения.

В большом котле закипела вода, повалил пар. Когда время пришло, Гу Цин открыл крышку: рис получился рассыпчатым, зернышко к зернышку — один вид вызывал аппетит. Он разрезал яйца пополам и выложил на тарелку.

Мясо тоже дошло, осталось только посолить.

Как говорится: «С зимним солнцестоянием тигр жиреет». Самое время для тигрятины — наваристой, ароматной и целебной в холода.

Гу Цин наполнил миску бульоном с мясом, решив угостить бабушку Ху-цзы — с соседями нужно жить в ладу.

— Сяо-гэ, отнеси это бабушке Ху-цзы, — сказал он вошедшему Сяо У.

— Папочка, я отнесу! Я! — закричал Сяочи. Гу Цин не решался отпускать его одного, но малец настоял, так что пришлось отправить с ним Яньянь.

Сяо У только обрадовался — общение с людьми давалось ему с трудом.

— Осторожнее, не обожгитесь! И миску принесите обратно! — крикнул им вслед Гу Цин.

Дети, не оглядываясь, умчались прочь.

Сяочи важно нес миску двумя руками до самого соседского дома. Кивком велел Яньянь постучать, он вошел и торжественно поставил угощение на стол:

— Бабушка Гу, папочка передал тигрятину! Сказал, очень полезно для здоровья.

— Надо же, такая редкость, а обо мне, старухе, не забыли. Передай папочке большое спасибо за заботу.

Дети часто забегали играть к Ху-цзы, и старая женщина искренне их любила. Она в очередной раз убедилась, что Гу Цин — человек доброй души.

Сяочи тем временем принялся хвастаться перед Ху-цзы:

— Видел бы ты, какого тигра отец завалил! Голова во-о-о какая! — Он широко развел руки. Ху-цзы хоть и был постарше, но слушал с открытым ртом, превознося Сяо У до небес. Когда у соседа иссякли восторженные слова, довольный Сяочи засобиравшись домой, не забыв забрать

пустую миску.

* * *

Глава 34. Гнев

Дети прибежали домой вприпрыжку и застали родителей за накрытым столом.

— Что же вы так долго? — Удивился Гу Цин. До дома Ху-цзы было всего пять минут ходу.

Сяочи замялся, не зная, что ответить, но Яньянь его выдала:

— Да он всё перед Ху-цзы хвастался, какого тигра папа добыл. Стоял и слушал, как тот папу нахваливает, пока у Ху-цзы слова не кончились, только тогда и пошел. — Девочка не по-детски строго посмотрела на брата.

Сяочи покраснел и попытался зажать ей рот ладошкой.

Гу Цин не сдержал улыбки — ну и сорванцы.

Но прежде чем он успел что-то сказать, Сяо У произнес низким голосом:

— Мыть руки и за стол.

Дети мигом притихли и послушно побежали умываться.

— Попробуйте рис с соленым яйцом, когда желток маслянистый — это самое вкусное, — сказал Гу Цин, раскладывая детям угощение.

Проголодавшиеся малыши принялись уплетать за обе щеки.

— Папочка, как вкусно! Я никогда таких яиц не ел, — пробормотал Сяочи с набитым ртом.

— Мы у папочки почти всё в первый раз едим, не болтай, — осадил его Яньянь.

— Когда я ем, я глух и нем, — буркнул Сяо У. У него на душе кошки скребли: фулан даже кусочка яйца ему не положил.

Заметив недовольство отца, дети примолкли и доели в тишине.

После обеда щенки снова куда-то смылись, а Сяо У ушел в горы за дровами. Гу Цин, измотанный событиями дня, прилег на кан и задремал.

Но стоило ему уснуть, как дети вернулись, всхлипывая. Гу Цин вскочил, натянул обувь и выбежал во двор. От увиденного у него едва давление не подскочило.

Оба ребенка были с ног до головы в грязи — на лицах, в волосах, словно в болоте искупались. Боясь, что они простудятся, Гу Цин затащил их в дом. К счастью, в котле еще была теплая вода. Он сорвал с них одежду, закинул обоих в лохань, а когда отмыл — хорошенько закутал в одеяло греться.

Только тогда он спросил:

— Как это вышло? Уходили чистые, а вернулись... Вас кто-то обидел?

— Нет... — Сяочи заговорил совсем тихо, косясь на Гу Цина. — Сяоху сказал, что лягушки уже в спячке, и повел нас их ловить. Но лягушек мы не нашли, а я в яму с грязью свалился.

— И где же вы их ловили? — Гу Цин почувствовал неладное.

— На... на дальнем пруду, — запинаясь, ответила Яньянь, нервно теребя край одеяла.

— На пруду?! — Голос Гу Цина взлетел вверх.

— Разве я не говорил, что без взрослых к воде подходить нельзя?! — Он похолодел от ужаса. Случись им упасть в пруд в такую погоду, никто бы и не услышал. Лицо его стало суровым.

Дети, видя, что папочка по-настоящему рассержен, не знали, куда деться. В этот момент вернулся Сяо У.

Завидев его, Сяочи зарыдал в голос, размазывая сопли по лицу, и потянулся к отцу. Сяо У взял его на руки, и малец тут же вцепился ему в шею, спрятав лицо и выставив попу, как страус.

Гу Цину стало еще обиднее. Ишь, защитник нашелся! Решил за спину отца спрятаться и ответственности избежать?

— Что случилось? — Сяо У по лицу мужа понял, что зря взял сына на руки — дети явно натворили дел.

Сяочи только крепче сжал руки на шее отца и не проронил ни звука.

— Они ходили на пруд и свалились в грязь. — Ласково, но опасно улыбнулся Гу Цин.

Сяо У аж вздрогнул от этой улыбки. Поняв причину гнева фулана, он тут же спустил Сяочи обратно на кан.

<http://bllate.org/book/19018/1869778>